УДК 16.167

СИНЕРГЕТИКА КАК НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Ершов Юрий Геннадьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ers@uapa.ru

Аннотация
Синергетика рассматривается как современная форма теоретического синтеза научных знаний. Анализируются различные подходы к методологической роли синергетики, в том числе в познании общества и истории. Определяются познавательные возможности категории «хаос» в социосинергетике.

Ключевые понятия:
синергетика, научная картина мира, социосинергетика, хаос.

Научную картину мира (НКМ) чаще всего определяют как теоретическую систему, раскрывающую общие закономерности взаимодействия фундаментальных объектов, характер причинно-следственных связей, пространственно-временную структуру исследуемой реальности.

НКМ создает целостный образ объективной реальности, задает ориентации познавательной деятельности, как логико-методологические, так и ценностные, определяющие постановку проблем, создание фактов, выдвижение гипотез и способы их решения.

В создании и развитии НКМ происходит передача плодотворных идей и методов от одной научной дисциплины к другим, синтез многообразного наличного знания. Современной формой синтеза научных знаний, происходящего в контексте идей универсального эволюционизма, как раз и является синергетика. Другими словами, современная НКМ – это становящаяся синергетическая картина мира, задающая, в силу своего парадигмального характера, систему теоретических и методологических принципов и установок, формирующая постнеклассический тип научной рациональности. Синергетика интегрирует в картину миру разные дисциплинарные картины действительности, создавая новое мировоззрение, новую базовую модель мира, новый язык науки. Синергетика – направление в познании человеком природы, общества и самого себя, выявляющее универсальные закономерности и методы описания процессов эволюции самоорганизующихся систем, то есть систем, обретающих пространственную, временную или функциональную структуру в результате собственного имманентного развития. В эпоху постнеклассической науки формируется представление о развивающихся и саморегулирующихся системах, эволюция которых связана с изменением типа саморегуляции, перехода от одного способа гомеостазиса к другому.

Эти системы обычно характеризуются следующими чертами: 1) открытость, непрерывный и диссипативный обмен веществом, энергией и информацией с окружающей средой; 2) иерархическая организации элементов, появление, по мере развития новых уровней и новой дифференциации на подсистемы. Каждый новый уровень, вступая во взаимодействие с прежними уровнями, видоизменяет их и перестраи-

вает в процессе воспроизводства целого; 3) усложнение системы, переход к новому типу гомеостазиса происходит через состояние динамического хаоса, появление точек бифуркации, в каждой из которых возникает набор потенциально возможных вариантов развития системы; 4) процессуальность понимается не только как воспроизводство определенного качественного состояния системы, но и как переход от одного ее качественного состояния к другому со сменой управляющих параметров; 5) классическое представление о причинности дополняется идеей целевой причинности; 6) понимание категорий пространства и времени включает представление об изменении их свойств по мере эволюции системы.

Современный мир информационного общества, моделирования сложных социоприродных процессов, компьютерных экспериментов и т.п., требует пересмотра прежних образцов линейного мышления, не учитывающих или, по крайней мере, недооценивающих вероятностный характер будущего и его влияние на факторы и ход эволюционного процесса. Это мир неожиданных связей между динамикой и статикой, конструктивного хаотического начала в эволюции, сверхбыстрых процессов в развитии сложных систем, становления устойчивых структур в открытых, неравновесных, нелинейных системах – физических, химических, биологических, социальных, вообще в любых естественных и искусственных системах.

Благодаря синергетике методологическая рефлексия постнеклассической науки существенно изменила и обогатила традиционные идеалы и нормы исследования за счет принципов хаотичности, необратимости, неустойчивости и непредсказуемости, многовариантности эволюции, включения в научную методологию ценностно-гуманитарных ориентиров.

В результате разработки идей синергетики и соответствующих методов междисциплинарных исследований открылись новые перспективы понимания глобальной эволюции Вселенной во взаимосвязи микро-, макро- и мегауровней, на этой основе – переосмысление роли человека в глобальных процессах, в структурах познавательной и практической деятельности.

Таким образом, произошло создание новой познавательной парадигмы, за считаные годы получившей применение в самых различных научных дисциплинах и отраслях постнеклассической науки.

Слияние теоретико-методологических разработок, мировоззренческих подходов и эмпирических исследований междисциплинарного характера привело к появлению крупных прикладных разделов синергетики, таких, например, как социальная синергетика (социосинергетика). Количество работ, демонстрирующих плодотворность, с большим или меньшим успехом, синергетической методологии в социально-гуманитарном познании, множится с каждым днем. Кажется, уже не осталось научных дисциплин в обществознании вне использования основополагающих принципов, методов и категорий синергетики: экономическая теория, лингвистика, психология, политология, философия истории, педагогика и т.д. Актуальность социосинергетики возрастает в связи с максимальной сложностью ее объектов – социотехноприродных целостностей, исследование которых с позиций дисциплинарного подхода страдает односторонностью и упрощенностью, а практические действия вызывают катастрофические последствия.

Но можно встретить и иное – резко отрицательное – отношение к «массовому “синергетическому” поветрию, с восторгом принимаемому в полуграмотных научных кругах» от автора гневного письма, разосланного несколько лет назад по электронной почте обществоведам, видимо, всей страны. Показателен стиль критики: «Эта выгодная многим отрасль болтологической деятельности внешне выглядит более современной, научной и респектабельной, чем, скажем, астрология, и поэтому занимает ту часть ниши псевдонаук, которую не смогли занять всяческие барабашки из-за своей очевидной одиозности». [6, с. 152].

Более сдержанно, но, по сути, также негативно настроен И.А. Гобозов, объединяющий (и обвиняющий) постмодернизм и синергетику в отрицании противоречивого характера современного общественного развития и выдвижении на первое место консенсуса: «...наивно думать, что в обществе все само собой образуется, все самоорганизуется. История человечества свидетельствует о том, что по вине субъектов управления многие цивилизации погибли». [5, 14]. (Здесь явная логическая ошибка – подмена тезиса, поскольку понятие самоорганизации не тождественно стихийному прогрессу, а объективный,

естественноисторический характер общественного исторического процесса и ранее подразумевал действие субъективного фактора, согласно прежней терминологии.) Синергетике инкриминируется отвержение необходимости и культивирование случайности [5, с. 14–15], малопонятное и необоснованное приписывание редукции общественных процессов к природным [5, с. 16]. Синергетика, по-мнению автора, враждебна диалектике во имя «интересов власть имущих», ведь «конечно, гораздо спокойнее рассуждать о нелинейности и цикличности социальных феноменов, чем об их переходе от одного качественного состояния к другому» [5, с. 17].

Другой критик синергетики также не избегает соблазна саркастических инвектив в адрес постмодернизма: выясняется, что «в условиях постмодернизма оказывается возможным все: расширение, деформация и подмена понятий, использование с явным нарушением закона тождества многозначных терминов, необоснованный перенос идей из физики открытых нелинейных диссипативных систем в социально-гуманитарную сферу и т.п.». [8, с. 87]. (Положим, нарушение правил логики и подмена понятий и т.п. оказываются возможными и без постмодернизма, как это видно из текстов критиков синергетики.) При этом никаких аргументов по существу идей постмодернизма, представленных творчеством М. Фуко, Р. Барта, Ж. Дилеза, Ж.-Ф. Лиотара и др., не приводится, но зато упорно воспроизводятся именно те черты архаичного, «законодательствующего» разума, наивно уверенного в своей истинности, которые как раз и разоблачает философия «различий».

Подобная риторика непроизвольно вызывает воспоминания о языке и приемах критики времен «развитого социализма», то есть идеологического монополизма, запрещавшего «неправильно» мыслить. Да, синергетика и постмодернизм (в определенном смысле) являются модусами одной и той же – современной, постнеклассической рациональности, в этом качестве являются антиподами доктринального монологизма, догматического мышления, воспринимающего мир в известной бинарной оппозиции: «да – да», «нет – нет», «все остальное – от лукавого». Синергетика противостоит прежним методологическим подходам к моделированию социальных процессов, основанным на стереотипах линейного мышления и линейных приближений, экстраполяциях от наличного состояния.

К сожалению, чаще всего подобные упреки свидетельствуют о непонимании или нежелании понимать преемственность теоретико-методологического содержания синергетики с предшествующим развитием всей человеческой культуры и научной мысли. Не являясь адептом ни постмодернизма, ни синергетики, считаю, что в их содержании имеются и заслуживают дальнейшего развития те положения, которые могут плодотворно и в соотнесении с идеями других философских школ и направлений использоваться в понимании современного – множественного и фрагментированного, нелинейного и неустойчивого современного мира.

В отечественной литературе давно и подробно показано, что синергетика подготовлена длительным развитием целого ряда теорий и междисциплинарных подходов мировой, в том числе и отечественной, науки, с ее опорой на математический анализ и эксперимент. [3].

Будучи тесно связанной с кибернетикой, математическим моделированием и системным подходом к изучению реальности, опираясь на мощные философские традиции прошлого, синергетика расширяет наши представления о самодвижении и развитии материи, взаимосвязи материального и духовного, позволяет иначе взглянуть на эволюционные процессы в природе, возникновение жизни и человека, перспективы человеческой цивилизации в космологических пространственно-временных масштабах.

Перспективы социосинергетики обусловлены современной проблематикой человекомерных и самореферентных систем. В этом аспекте знаменательно совпадение синергетических принципов с продуктивными идеями, восходящими к философским концепциям Востока. Древнеиндийские и древнекитайские мыслители исходили из целостной картины мироздания («все во всем»), идеи общего закона, единого пути (Дао), которому следует и мир, и человек. На Востоке всегда исходили из того, что природа не противостоит человеку и обществу как обезличенная субстанция, которую можно насильственно подчинять своим целям, не задумываясь о последствиях. Современные представления о биосфере, коэволюции культуры и природы,

необходимости выработки особых стратегий деятельности с человекоразмерными объектами вполне созвучны организмическим представлениям древних мыслителей Востока, утверждавших единство человека и Космоса, истины и нравственности, на этой основе – этико-онтологическую ответственность человека.

Подобного рода доводы и соображения критиками синергетики почему-то игнорируются. Но вряд ли, в контексте императивов коммуникативной рациональности и соображений об интервальности истины, стоит отвечать аналогичным образом.

По Гегелю, все в этом мире испорчено, но испорчено на известном основании. Есть основания и для негативной оценки работ, связанных с синергетической методологией. Новая метаметодология, став модным увлечением, привела к щеголянию синергетической фразеологией аналогично времени первоначального знакомства с постмодернизмом в нашей стране. Этот феномен М.А. Дрюк достаточно удачно определила как философский импрессионизм. Действительно, порой синергетика сводится к штампам, клише, эклектическим обобщениям. Они сами по себе должны нести исчерпывающие объяснения – «неравновесная система может спонтанно эволюционировать к состоянию более высокой сложности», «система сама по себе выбирает путь развития», «хаос порождает порядок» и т.п.; в базовые понятия и принципы вкладываются произвольные и противоречивые смыслы и значения. Пока еще много работ декларативного характера, отсутствует необходимая наглядность в демонстрации эвристических возможностей синергетики. Справедлив упрек и в том, что повсеместное повторение слова «"самоорганизация" как своеобразного заклинания создает ложное представление о предопределенности развития событий в системе без каких-либо энергетических или интеллектуальных затрат» [7, с. 104]. То есть оборотная сторона популярности синергетики – ее профанация, метафорическая эйфория, размывающие содержание и дискредитирующие принципы синергетической теории. Замечу, что в этом контексте меня, как и В.И. Жилина, совершенно не удовлетворяют расплывчатые и вводимые постулативно рассуждения В.П. Бранского о «суператтракторе», к которому якобы идет человечество и который должен засиять «перед нашим мысленным образом как «рай» (Данте), «Шамбала» (Н. Рерих), «точка Омега» (П. Тейяр де Шарден) и т.п. Суперотбор (отбор факторов отбора взаимодействующих элементов самоорганизации – Е.Ю) при этом будет выглядеть как некая таинственная сила суперсила (Г. Спенсер), мировой дух (Гегель), универсальная воля (А. Шопенгауэр), жизненный порыв (А. Бергсон) и т.п.» [2, с. 123].

По перечисленным причинам возникает особая задача – защита достаточно четко сформированного методологического и теоретического каркаса синергетики от произвольных ассоциаций и неуместных метафор. Разумеется, должны быть продолжены и критико-рефлексивный анализ, и более глубокое социально-гуманитарное и философское обоснование синергетики.

Размышления М.А. Дрюк импонируют не только точностью определения перехлестов очередной методологической моды в отечественном обществознании, но и конструктивностью многих замечаний, следуя которым можно избавляться от нежелательных «попутчиков». Так, верно обращается внимание на то, что Гегель в саморазвитии Абсолютной Идеи предвосхитил смысл «самоорганизации», показав «порождение "своего иного" через развертывание внутреннего противоречия и взаимодействие с основанием» [7, с. 105]. Здесь сразу можно увидеть перспективу «снятия» диалектики синергетикой, когда самоорганизация будет трактоваться как разрешение противоречия между порядком и хаосом, между созиданием и разрушением, между устойчивостью и изменчивостью. Более того, нет абсолютно никаких противопоказаний относительно органичного использования в синергетических штудиях законов взаимосвязи количественных и качественных взаимосвязей и отрицания отрицания. По В.С. Степину, отметившему в синергетике новое в понимании развития (помимо концепции динамического хаоса): «то, что в традиционном диалектическом описании развития структурно не анализировалось, а просто обозначалось как «скачок», «перерыв постепенности», «переход в новое качество», теперь стало предметом научного анализа» [13, с. 19].

Правда, по моему мнению, дискуссионно суждение М.А. Дрюк о сведении в синергетике к одному знаменателю физических и химических, биологических и социальных процессов [7, с. 103]. Оно требует обсуждения.

Ведь в своих истоках синергетика и является междисциплинарным синтезом, фиксирующим универсальные закономерности сложных систем любой природы, противостоящим методологии элементаризма и редукционизма. Отмечается, например, что фрактальная геометрия – геометрия самоподобных объектов (Б. Мандельштам), установила сходство структур облаков, кроны деревьев, береговых линий и т.п. и позволила эффективно сжимать информацию при распознавании и хранении образов. Выяснилось, что сходящие вниз с кучи песка песчаные лавинки воспроизводят распределение Парето по величинам событий для биржевых кризисов, землетрясений, аварий сложных технических систем [3, с. 80]. На основе методов исследования нелинейных эффектов, разработанных в физике, создана модель демографической динамики; не менее интересен опыт математика, физика-теоретика, академика В.П. Маслова, построившего оригинальную теорию денег на основе методов статистической физики. «Он показал, – отмечает А.А. Акаев, – что деньги можно рассматривать, как Бозе-частицы, а теорию денег можно представить как Бозе-статистику». На основе этой теории В.П. Маслов еще в 2006 году предсказал мировой финансовый кризис 2008 г. и возможный фазовый переход в 2013 г. [1, с. 79–80].

В то же время отмечается необходимость различения качественной специфики живых и социальных систем при применении трансдисциплинарной методологии – опоры на специфические для каждой сферы исследования онтические свойства и отношения. Междисциплинарность синергетики не сводится к абстрактным методологическим требованиям, но предполагает учет предметного знания, соответственно, разработку технологий моделирования «специфической логики специфического предмета». В частности, как отмечал М.И. Штеренберг, существуют ограничения на применение математического аппарата естественнонаучной синергетики, описывающего и решающего нелинейные зависимости между элементами систем. «Но описание живых систем и их аналогов: машин, автоматов и компьютеров не адекватны их специфике. Причина: изменения состояния этих систем осуществляется не непрерывным путем, описываемым посредством уравнений. Их состояния изменяется, во-первых, дискретно при получении информации, во-вторых, зависит от ее характера, например, свидетельствует ли эта информация о хищнике или жертве. Таким образом, весь математический аппарат нелинейных уравнений с их разнообразными аттракторами не пригоден для описания поведения организмов и их аналогов, хотя может оказаться полезным в других областях науки» [12, с. 18]. Но даже при невозможности математизации, указывает Е.Н. Князева, синергетические модели могут плодотворно применяться в качественном виде – для объяснения сложных внутренних механизмов эволюционных процессов в природе и обществе. [12, с. 30]. При этом нельзя не принимать во внимание пожелание А.А. Акаева: «Математическое моделирование – это хороший инструмент для правительств, позволяющий просматривать последствия той или иной стратегии развития. Математическая модель должна быть хорошим подспорьем для политиков, правительств, экспертов, исследующих различные сценарии развития, последствия тех или иных важнейших стратегических решений» [1, с. 78].

Поэтому нужно согласиться с требованием М.А. Дрюк об исключении произвольных интерпретаций физико-химических и общенаучных категорий для целей социально-гуманитарных исследований. Например, категория «хаос» пока, несмотря на формирование в составе синергетики в качестве самостоятельной дисциплины хаосологии, остается расплывчатой, логически нестрогой, в хаос вкладываются различные смыслы из-за высокой степени образности понятия и его нагруженности негативной семантикой (здесь имеется в виду обыденное противопоставление хаоса порядку). М.А. Чешков выделил три базовых модели хаоса в синергетических исследованиях: 1) хаос как турбулентность, совокупность разнонаправленных турбулентных движений, сохраняющих, тем не менее, когерентность; 2) хаос – деструктивная ветвь эволюции, сменяющая ветвь самоорганизации в колебательном, циклическом или динамическом режимах; 3) по версии И. Пригожина, хаос – совокупность вероятностей различных путей эволюции, не сводимых ни к волнам, ни к траекториям, ни к ансамблям траекторий [14, с. 133]. Сопоставлять эти конструкции между собой во многом бессмысленно из-за различия их корневых метафор. Представлению

же о хаосе как отсутствии устойчивости отношений между множеством элементов, повторяющихся в пространстве, или/и во времени, противоречит идея хаоса как особой, сложной и непредсказуемой формы порядка в развивающейся системе.

Больше единства в признании следующих черт хаоса: 1) он возникает по мере достижения системой порога устойчивости и вхождения в фазу сильных флуктуаций; 2) в состоянии сильной неравновесности системы появляются точки бифуркации, задающие вероятные траектории движения, выбор из которых решает случайность; 3) колебаниями и бифуркациями система вводится в состояние одновременной работы различных режимов или ритмов; 4) последовательный переход от одних точек бифуркации к другим (каскад бифуркаций) выводит систему из хаоса к детерминированному поведению, упорядочивает ее и делает развитие необратимым.

Важно подчеркнуть – в свете обвинения синергетики в игнорировании социальных противоречий: результатом выбора дальнейшего пути развития могут быть самые разные варианты: В синергетике четко различают два типа кризисов: преимущественно внутреннего или преимущественно внешнего происхождения. В эндогенном (внутреннем) кризисе адаптация происходит скорее не к спонтанным изменениям, а к последствиям собственной активности неравновесной системы, к ее новым возможностям. Детерминация внешними причинами (экзогенный кризис) ведет к трансформации преимущественно идиоадаптивного характера (и в природе, и в обществе). И в том, и в другом случае результатом самоорганизации может стать эволюционный тупик и даже инволюция, деградация, к которым приводит стремление к абсолютному гомеостазису, к самосохранению в неизменном виде в ответ на изменения среды. В этом случае система подчиняет цели устойчивого функционирования все свои составные части, ограничивая потенциал их самостоятельного развития.

Теория хаоса открывает науке те сферы реальности, которые ранее не осознавались в качестве объекта познания, позволяет по-новому представить традиционные подходы к развитию разных систем, в которых хаос не учитывался, не рассматривался или же в лучшем случае – понимался как побочный и несущественный продукт перехода от порядка одного типа к порядку другого типа. Имеет значение и то, что категория «хаос» обращает нас к наследию античного космизма, в котором хаос (меон) считается вселенским лоном, рождающим все сущее в мире. Противоположность Хаоса и Космоса в космогонических мифах выступает исходным принципом объяснения мира и сохраняет значение архетипического образа как неотъемлемой стороны Космоса. Другими словами, существует диалектическая связь хаоса и порядка, когда утвердившийся порядок включает в себя в подчиненном виде хаотические состояния, а хаос рассматривается как сложная форма порядка.

Так, по мнению М.А. Чешкова, «объекты применения теории хаоса – человечество в его внеисторическом и историческом бытии – общечеловеческий и социальный универсумы, имеющие собственное пространство – планетарно-человеческое и миросоциальное. Различаются и их темпоральные характеристики, задаваемые комбинациями диахронного, синхронного, колебательного типов временной детерминации. Поэтому эти универсумы выглядят и особыми пространственно-временными конфигурациями» [14, с. 134]. Легко заметить, что постсоветская Россия на протяжении длительного времени демонстрирует все отличительные черты хаоса, нуждаясь в конструктивных следствиях синергетики при осмыслении перспектив будущего и практических мер по реформированию общества. Говорить о завершении «эпохи бифуркаций» и появлении необратимых изменений российского общества вряд ли приходится, но есть и характерные признаки повседневности – широкомасштабная коррупция, деградация нравственности, образования, науки и т.д., предупреждающие о возможном тупике общественного развития. В этом случае следующий этап адаптации (модернизации) к окружающей среде, природной и социальной, неизбежно поставит перед обществом еще более сложные задачи реформирования, соответственно, еще больший риск неблагоприятных последствий.

Сомнительной экстраполяцией (в контексте дискурса о синергетике) М.А. Дрюк называет идею хаоса как механизма самоорганизации, способного выводить системы на новые структуры-аттракторы эволюции. Возражение состоит в указании на «энергозатратные механизмы взаимо-

действия индивидов, структур, паттернов в условиях хаоса...», на «внешнее резонансное воздействие (организационное и финансовое) властных структур...», которое «может существенно повлиять на характер кажущегося саморазвития, направляя его в русло эффективной и вместе с тем культурной эволюции» [7, с. 112]. Но идея полной исторической предопределенности развития социума вне и помимо деятельности людей чужда синергетике. В этом аспекте, думаю, понимание развития общества как естественноисторического процесса, обоснованное в марксизме, вполне может быть отнесено к теоретическим истокам синергетики, на что, пожалуй, не обращается должного внимания. Но если у создателей материалистического понимания истории можно найти массу «синергетических» идей, то их последователи так и не справились с проблемой объяснения необходимости «создания партии, борющейся за лунное затмение». Синергетика и служит устранению иллюзий о возможностях диктовать всемирно-историческому процессу точную цель и безукоризненный план ее достижения.

Все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем. Для них в синергетическом подходе по-новому решается проблема взаимосвязи естественного и искусственного в процессе развития. Как отметил В.С. Степин, прежнее их противопоставление уже не является абсолютным [13, с. 23]. Невозможность жесткого программирования развития сложных социальных систем, наличие веера альтернативных путей развития обусловливают пересмотр прежних представлений о границах и возможностях управления в обществе. Понимание общих принципов организации эволюционного целого имеет огромное значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных систем или геополитических целостностей.

Вся общественная жизнь пронизана переплетением и столкновением необходимого и случайного, устойчивого и предсказуемого; в ней постоянно возникают нестабильные, неустойчивые, нелинейные процессы, в которых принципиально невозможно ни спрогнозировать, ни предугадать влияние на общий ход событий случайностей. Субъективные особенности политиков, принимающих решения, обусловливают выбор и дальнейшую реализацию одного из множества существующих вариантов будущего. В контексте неравновесности и нестабильности, постоянного присутствия флуктуаций, ветвления путей эволюции (бифуркаций), фазовых и самопроизвольных переходов «...синергетическая машинерия (возникновение и поддерживание локализованных процессов интеграции, архитектурное объединение структур по некоторым законам построения эволюционного целого, а также хаотический распад этих структур на этапе нарастания их сложности) выглядит естественным» [14, с. 45–46].

Поскольку в точках бифуркации система особенно чувствительна к флуктуациям, то даже самое незначительное воздействие на нее окажется решающим в выборе дальнейшего пути развития. Но выбор всегда происходит в рамках наличного, исторически определенного состояния системы. В сложных системах возможны только немногие определенные структуры, которые согласованы с поведением элементов. «Иными словами, – отмечает Д.С. Кузьмин, – даже если некоторые конфигурации генерированы искусственно, извне, только некоторые из них действительно жизнеспособны» [11, с. 130]. Поэтому насильственно изменить природу объекта невозможно, хотя маловероятный сценарий развития, благодаря насильственному воздействию, способен вызвать катастрофические последствия (например, институциональные новации, противоречащие национальной ментальности, столь характерные для модернизаций в форме «вестернизаций»). По этому поводу точно замечено отечественными теоретиками синергетики: «История как бы насмехается над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее ее природе, навязать среде путь эволюции без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций. В таких случаях общество попадает в "капкан истории", приходит к труднопоправимому кризисному состоянию» [10, с. 40]. Синергетика и призвана раскрыть конструктивные правила нелинейного, коэволюционного синтеза структур, принадлежащих различным темпомирам, показать – как производить сборку сложного эволюционного целого из частей с включением памяти системы. Необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям развития, как

выводить социальные системы на эти пути. Проблема управляемого развития принимает, таким образом, форму проблемы самоуправляемого развития.

Другое дело – подобная постановка вопроса радикально меняет подход к ответственности субъектов управления и власти за разработку, проведение и последствия предпринимаемых преобразований. Так, рассматривая распределение управленческих полномочий между губернатором и председателем областного правительства, С.Г. Зырянов указывает условия, при которых их взаимодействие будет влечь положительный или отрицательный синергетический эффект [9, с. 18]. Таким образом, синергетический подход служит теоретико-мировоззренческой основой организации порядка из хаоса, создания условий когерентной коммуникации, сводящей к минимуму замкнутость «вертикали власти» на саму себя и ее усилия по сохранению своего привилегированного положения. Неспособность властной элиты умело использовать творческие силы самоорганизации закономерно подменяется аттрактором социальной стабильности (консенсус!), который на деле оказывается возвратом к изжившему себя порядку. «Усмирение» («энергозатратное», но вряд ли интеллектуальное) турбулентности фазового перехода, несущего, в том числе, и негативные социальные последствия (рост преступности, падение общественной дисциплины, деградацию нравственности и т.п.), создает новый гомеостазис. Но, во-первых, он невозможен вне систематического применения репрессивных мер, значительно сужающих творческий потенциал общества, во-вторых, время его существования ограничено. Цели и идеалы (аттракторы) общественного развития, формулируемые российской властной элитой, имеют линейный и приспособительный характер, не выходя за пределы административной, полицейской и военной сфер. При этом отсутствует понимание ценностей стратегического и «нематериального» свойства (социальная справедливость, равенство перед законом, индивидуальная свобода и т.п.), запрос на реализацию которых сделан значительной частью общества, готовой быть субъектом позднеиндустриальной (в большей степени) и постиндустриальной модернизации.

Аттрактор альтернативной – стратегической эволюции – связан с ценностями, которые способствуют личностному росту, спонтанной и добровольной деятельности институтов гражданского общества, рациональному использованию ресурсов, в целом – созданию условий для преодоления негативных социальных явлений совместными усилиями государства и общества.

1. Акаев, А.А. Математическая модель должна быть хорошим подспорьем для политиков… // Политические исследования. 2009. N 3.

2. Бранский, В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современности. 1999. N 6.

3. Буданов, В.Г. О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. N 5.

4. Буханова, И., Петров, Н. Горизонты синергетики и политические процессы // Власть. 2003. N 9.

5. Гобозов, И.А. Социальная философия: диалектика или синергетика // Философия и общество. 2005. N 2.

6. Губин, В.Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических ученых», или Отзыв на автореферат для докторской диссертации // Философские науки. 2003. N 2.

7. Дрюк, М.А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм // Вопросы философии. 2004. N 10.

8. Жилин, В.И. К вопросу о механизмах формирования синергетического мировоззрения // Философия и общество. 2011. N 4.

9. Зырянов, С.Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году // Социум и власть. 2014. N 6. С. 18.

10. Князева, Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. N 2.

11. Кузьмин, Д.С. Социальная синергетика как методология анализа современных международных отношений // Ученые записки – 2004. Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. М., 2004.

12. Синергетика: перспективы, проблемы, сущности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2006. N 9.

13. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы: новые стратегии деятельности // Вестник Российского философского общества. 2003. N 2 (26).

14. Чешков, М.А. Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи глобальной смуты) // Общественные науки и современность. 1999. N 6.

References

1. Akaev, A.A. (2009) Matematicheskaya model' dolzhna byt' khoroshim podspor'em dlya politikov… [Mathematical model should be the good help to politics] // Politicheskie issledovaniya. N 3 [in Rus].

2. Branskiy, V.P. (1999) Sotsial'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii [Social synergetics as post-modern philosophy of history] // Obshchestvennye nauki i sovremennosti. N 6 [in Rus].

3. Budanov, V.G. (2006) O Metodologii sinergetiki [About Methodology in Synergetics] // Voprosy filosofii. N 5 [in Rus].

4. Bukhanova, I., Petrov N. (2003) Gorizonty sinergetiki i politicheskie protsessy [Horizons of Synergetics and Political Processes] // Vlast'. N 9 [in Rus].

5. Gobozov, I.A. (2005) Sotsial'naya filosofiya: dialektika ili sinergetika [Social Philosophy: Dialectic or Synergetics] // Filosofiya i obshchestvo. N 2 [in Rus].

6. Gubin, V.B. (2003) Sinergetika kak novyy pirog dlya «postneklassicheskikh uchenykh», ili otzyv na avtoreferat dlya doktorskoy dissertatsii [Synergetics as new pie for post-neoclassical scientists, or review of dissertation thesis] // Filosofskie nauki. N 2 [in Rus].

7. Dryuk, M.A. (2004) Sinergetika pozitivnoe znanie i filosofskiy impressionizm [Synergetics as Positive Knowledge and Philosophical Impressionism] // Voprosy filosofii. N 10 [in Rus].

8. Zhilin, V.I. (2011) K voprosu o mekhanizmakh formirovaniya sinergeticheskogo mirovozzreniya [To the Question of Mechanisms Form Synergetics Worldview] // Filosofiya i obshchestvo. N 4 [in Rus].

9. Zyryanov, S.G. (2014) Vybory: smena person i mekhanizmov v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Chelyabinskoy oblasti v 2014 godu [Elections: Change of Persons and Mechanisms in the System of State Municipal Authority] // Sotsium i vlast'. N 6. P. 18 [in Rus].

10. Knyazeva, E.N., Kurdyumov S.P. (1993) Sinergetika: nachala nelineynogo myshleniya [Synergetics: the Beginning of Nonlinear Thinking] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. N 2 [in Rus].

11. Kuz'min, D.S. (2004) Sotsial'naya sinergetika kak metodologiya analiza sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy [Social Synergetics as Methodology of Modern International Relations Analysis] // Uchenye zapiski – 2004. Institut aktual'nykh mezhdunarodnykh problem Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Moscow [in Rus].

12. Sinergetika: perspektivy, problemy, sushchnosti (materialy «kruglogo stola») (2006) [Synergetics: Prospective, Problems, Essence (Round Table Materials)] // Voprosy filosofii. N 9 [in Rus].

13. Stepin, V.S. (2003) Samorazvivayushchiesya sistemy: novye strategii deyatel'nosti [Self-developing Systems: New Acting Strategies] // Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. N 2 (26) [in Rus].

14. Cheshkov, M.A. (1999) Sinergetika: za i protiv khaosa (zametki o nauke epokhi global'noy smuty) [Synergetics: For and Against Chaos (the Notes about Science of Global Distemper Epoch)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. N 6 [in Rus].

UDC 16.167

SYNERGETICS AS A SCIENTIFIC IMAGE OF THE WORLD

Yershov Yuriy Gennadyevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Ural Institute of Management (Branch),
the Head
of the Department Chair
of Philosophy
and Political Science,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ers@uapa.ru

Annotation
Synergetics is considered as the modern form of theoretic synthesis of modern scientific knowledge. The author analyses different approaches to methodological role of synergetics in cognition of society and history. Cognitive abilities of the category of "chaos" in social synergetics are denoted.

Key concepts:
synergetics,
scientific image of world,
social synergetics,
chaos.